

Музей и память в свете концепций институционализации

Елена Евгеньевна Герасименко

Российский этнографический музей, Россия
Заместитель директора по научной работе
191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4/1
E-mail: ger@ethnomuseum.ru

Аннотация. В статье анализируется значение теорий институционализации в изучении музея и социальной памяти.

УДК 0.08

Ключевые слова: музей, социальная память, институционализация.

Представления о прошлом являются весьма существенным фактором общественной жизни. Убедительным свидетельством тому служит зафиксированный в социогуманитарном знании на рубеже тысячелетий «бум памяти» [1], стимулированный всем социокультурным и общественно-политическим контекстом современного мира [2]. Исследователи доказали, что представления о прошлом превратились в краеугольный камень публичной политики, идентификации личности и групп, подтвердили значимость знаний о прошлом для сознания больших социальных общностей – таких, как этносы, нации. Проблемы социальной памяти стали ключевыми для культуры конкретных стран и культурной составляющей гражданственности. Несмотря на массовость и динамику «бума памяти», организацию специализированного исследовательского центра (университет Уорвик, Англия), издание журнала «Исследования памяти» (Memory Studies), парадигма памяти как социального феномена не сформировалась, единое определение отсутствует [3], количество теоретических работ в общем массиве литературы, посвященных проблеме памяти, относительно невелико [4].

В настоящее время понятие «музей» употребляется во многих языках, оно объединяет многочисленную группу разнородных и не связанных между собой учреждений и организаций, сохраняющих тенденцию к дальнейшему видоизменению и трансформации. Согласно определению Международного Совета музеев (ИКОМ) – неправительственной профессиональной организации музеев мира, музей – «...это постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и его среде обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» [5]. Определение ИКОМ содержит основные признаки музея, отличающие его от других видов современных культурных практик. Управление деятельностью музеев и повышение их эффективности предполагает понимание их природы. В настоящее время единый подход к решению данного вопроса отсутствует. Одной из общепринятых в социогуманитарном знании является трактовка музея как института социальной памяти [6]. Наряду с научным дискурсом, идея о связи феноменов музея и коллективной памяти прочно утвердилась и на уровне обыденного сознания. По образному выражению А.В. Луначарского, музей – «это памятная книга человечества» [7], а увековечение памяти выдающихся соотечественников и событий прошлого, потребность сохранить все это для будущих поколений подразумевает создание музея.

Несмотря на устойчивость и широкое бытование представлений о связи музея и коллективной памяти, ее научная интерпретация представлена дискретными, сформировавшимися в рамках различных парадигм, дисциплин и культурных практик понятиями и концепциями, не образующими смыслового единства [8]. Данное обстоятельство препятствует выявлению потенциальных возможностей и реального вклада музея в созидание и функционирование социальной памяти, самоопределению его как субъекта этих процессов, а также оценке последствий для социальной эффективности музея происходящих под влиянием коллективной памяти изменений в его деятельности.

В современном российском обществе, согласно проводимой государством культурной политике, музеи, самостоятельно определяющие цели и содержание своей деятельности в

области комплектования, изучения и использования коллекций, являются ее субъектами, в связи с чем особую актуальность приобретает проблема целеполагания и содержания их работы. Для решения этих вопросов, являющихся частью более широкой проблемы – социального предназначения музеев, они нуждаются в концепциях, интерпретирующих процессы накопления и передачи социокультурного опыта в контексте индивидуального и группового социального взаимодействия с точки зрения роли прошлого в регулировании жизнедеятельности отдельных индивидов, социальных групп, общностей, в обеспечении их интеграции. Посвященные данным темам исследования проводятся в рамках различных научных дисциплин: социологии, культурологии, философии и культурной антропологии, что создает немалые трудности в использовании полученных результатов в музейной практике. В этой связи дискуссия об общественном смысле, целях деятельности современных музейных учреждений представляется весьма ограниченной именно по своим теоретико-методологическим основаниям. Она направляется, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в русло обсуждения вопросов, касающихся определения маркетинговых стратегий музея, трактующих его деятельность по музеефикации объектов, созданию новых экспозиций и выставок, образовательных программ в логике товарообмена.

По мнению П. Бурдые, изучавшего экономику и другие области социального пространства, далеко не все стороны человеческого существования, в частности искусство или литература, наука и даже в некотором отношении бюрократия, подчиняются логике товарообмена, стремящейся свести всякую вещь лишь к состоянию продаваемого и покупаемого товара и разрушить все ценности. Да и в самом экономическом поле рыночная логика так никогда и не сумела полностью заменить экономические факторы производства или потребления [9]. Обмены никогда полностью не сводятся к их экономической стороне и, как напоминает Э. Дюркгейм, каждый договор содержит недоговорные пункты [10].

Таким образом, теоретическая интерпретация отношения коллективная память–музей–общество – это актуальная научная проблема, не нашедшая до настоящего времени своего решения в музеологии. С этой целью в настоящей статье предпринята попытка анализа значения теорий институционализации для ее изучения.

Понятие «институционализация» было введено в самом начале 1950-х гг. Т. Парсонсом, этот термин обозначает процесс возникновения, установления и развития социальной системы [11]. Парсонсовская концепция институционализации объединяет в рамках единой теоретической модели такие понятия, как общество, ценностно-нормативная система, статусно-ролевые отношения, институт, социальная динамика и социальная интеграция. Предложенная теория позволяет проследить динамику процесса возникновения и установления социальной системы на микро- (элементарная система взаимодействия индивидов) и макроуровнях (институты и общество). По мнению Парсонса, институционализация – это и процесс, и структура. Функционально она является условием возникновения социальных систем, а структурно – способом организации внутренних компонентов и связей между ними. В качестве основных аналитических единиц социальной структуры общества в теории Парсонса выступают роли, статусы, ценности, нормы, коллективы, а также институты. Исторический процесс вызревания, социокультурного закрепления и изменения социальной структуры и составляет сущность институционализации [12]. В качестве функциональной предпосылки начала этого процесса Парсонс рассматривает потребность решения проблемы упорядочения взаимодействия индивидов, обусловленной множеством смыслов, заложенных в каждом акте (ситуации) коммуникации, а в качестве продуктивного результата – институты, представляющие собой «общие схемы действия» [13], «нормативные модели, образцы поведения, определяющие, что в данном обществе считается должным, законным или ожидаемым образом действия и взаимодействия» [14]. Такие модели, с точки зрения Парсонса, содержат «всеобщую ценностную систему», согласно которой выстраиваются нормативные стандарты общества и индивида. Рассматривая динамику процесса институционализации, исследователь выделяет в нем три стадии: стабилизацию, генерализацию и интеграцию социальной системы, отражающие поэтапную трансформацию субъективных суждений и оценок, значимых для отдельных индивидов, в объективные фактичности, определяющие ценностные стандарты целого общества.

Концепция институционализации Т. Парсонса стала прототипом для создания аналогичных теорий другими учеными. Их теоретическая реконструкция, подробный, в том

числе сравнительный анализ, был осуществлен Е.А. Островской [15]. В рамках изучения процессов становления, функционирования и самовоспроизведения религий в различных типах обществ ею были определены критерии отбора концепций институционализации, пригодных для разработки теоретико-методологического инструментария социологического анализа данных процессов, выявлены конвергентные тезисы и осуществлен синтез этих концепций в рамках единой аналитической схемы институционализации. В основу теории Е.А. Островской были положены концепции соответствующей тематики, выдвинутые Т. Парсонсом, Т. Лукманом и П. Бергером, Н. Луманом [16].

Для анализа отношения общество–музей–социальная память имеют важное значение развиваемые Парсонсом [17], Лукманом и Бергером [18] идеи о прошлом как темпоральном измерении функционирования общества, в соответствии с которыми символическое присутствие прошлого в настоящем связано не только со стремлением людей к его познанию, сохранению и использованию полезного опыта, но и обусловлено такими объективными обстоятельствами человеческого существования, как конечность человеческой жизни и необходимость легитимации смерти, наличие космического времени, временных природных циклов, а также свойство самого человеческого сознания быть всегда упорядоченным во времени. Прошлые состояния общества детерминируют его функционирование в настоящем на уровне как институтов и коллективов, так и взаимодействия индивидов.

Однако результаты исследований убедительно доказывают, что воспоминание на индивидуальном или коллективном уровне не является нейтральным, формирование образа прошлого происходит под влиянием разных интересов социальных групп и индивидуумов. В современных исследованиях также имеются примеры того, как группы соревнуются в создании и продвижении своих собственных версий прошлого в ущерб другим. Во всяком случае создается впечатление, что социальная память постоянно находится в процессе пересоздания и переконструирования. Перефразируя П. Бурдьё, можно сказать, что память – это символическая борьба по поводу восприятия социального мира [19].

В свете рассматриваемых теорий и концепций функциональная специфика музея как института заключается в генерализации и стабилизации смыслового консенсуса относительно прошлых состояний общества. Являя собой один из элементов системы культуры, музей осуществляет функцию осмысленно-селективной переработки социокультурного опыта, производства, сохранения и воспроизводства, творческого преобразования культурного образца. Музей институционализирует нормативные модели, образцы поведения, которые определяют, что в данном обществе считается должным, законным или ожидаемым образом действия в отношении исторического прошлого и предшественников, формирует отношение (ценностные и когнитивные аспекты) к миру символических объектов, относящихся к прошлому. Музей обеспечивает символическое присутствие прошлого в настоящем, утверждает его как элемент темпорального измерения общества и культуры, определяет содержательные аспекты этого присутствия: статусно-ролевые типизации, темы, смысловые взаимосвязи, способствует утверждению принятых в обществе механизмов по достижению согласия, касающегося истинности определений прошлой социальной реальности, транслирует знания о прошлом.

Символически представленная в социальной структуре прошлая реальность обозначается Т. Лукманом и П. Бергером заимствованным у М. Хальбвакса понятием «коллективная память» [20]. Анализ данной категории в свете положений выдвинутой Т. Лукманом и П. Бергером теории общества, а также концепций институционализации позволяет конкретизировать ее содержание. Категория социальной памяти не тождественна понятиям «социальный запас знания» и «социокультурный опыт». Социокультурный опыт является более широким понятием и обозначает исторически селектированные и аккумулированные в общественном сознании формы осуществления любой социально значимой деятельности и взаимодействия людей, продемонстрировавшие свою приемлемость не только с точки зрения непосредственной практической эффективности, но и в поддержании определенного уровня социальной консолидированности сообщества и его функциональных сегментов и подсистем, устойчивости организационных форм и эффективности процессов регуляции коллективной жизнедеятельности [21]. Понятие «социальный запас знания» обозначает индивидуальные и групповые представления о реальности повседневной жизни, объективированные в языке и материальной культуре,

передающиеся от поколения к поколению, доступные индивиду в повседневной жизни, иными словами – «все то, что каждый знает о социальном мире», включая теоретическое и повседневное знание [22].

Социальная память является культурной универсалией, ее существование обусловлено биологическими и социальными особенностями человека, она возникает вместе с обществом, являясь неотъемлемой частью социокультурного порядка, выступает одним из существенных факторов его интеграции и стабилизации. Социальная память включает представляющие ценность для определенного коллективного субъекта аспекты социокультурного опыта, востребованные в существующем настоящем, а также легитимации существующего порядка, составляющие «историю», «социологию», а в некоторых случаях и «антропологию» рассматриваемой общности [23]. Эти истолкования представляют прошлую и настоящую реальность как связанное, неразрывное целое [24]. Социальная память формирует историческое измерение общества, объединяя в смысловом единстве всех, включая предков и современников, кто социализирован в данной общности. Она является наиболее широкими рамками осмысления индивидуального биографического опыта, способствует легитимации смерти, обоснованию индивидуальной и коллективной идентичности, существующего общественного устройства, упорядочивает представления об историческом процессе. Знание, составляющее содержание социальной памяти, отражая действительность в редуцированной форме, предполагая отбор критериев репрезентируемых объектов, установление смысловых связей между ними, является теоретическим по своей сути. Поскольку общество – это постоянно эволюционирующая система, то содержание памяти находится в постоянной динамике, изменяясь вместе с его социальной структурой, что выражается в появлении новых, актуализации/забывании, переозначивании уже существующих, а также изменении объяснительных схем, устанавливающих смысловые связи между отдельными фрагментами объективированного опыта.

Многообразие вариантов прошлого, существующих одновременно в обществе, зависит от степени дифференциации социальной структуры, появление же новых происходит по мере ее изменения. Однако в любом обществе существует некая общая картина прошлого, позволяющая осуществлять социальное взаимодействие на основе единой общепринятой системы значений, признание последней конкретным обществом (группой, коллективом) в качестве ценностно-нормативных образцов, репрезентирующих прошлое, означает ее институционализацию.

Коллективная память как социальный феномен – это продукт опредмеченной человеческой деятельности, объективированной исторически и распредмечиваемой в процессе социализации [25]. Социальная память объективируется и становится доступной восприятию индивидов посредством знаково-символических систем, доступных пониманию большинства. Вместе с тем все репрезентации прошлого «мертвы» до тех пор, пока лишены субъективного смысла и не используются в актуальном человеческом поведении [26]. Значимость всех этих репрезентаций выражается в степени влияния, оказываемом ими на поведение индивидов. Поэтому процесс аккумуляции, хранения и актуализации знания, составляющего содержание социальной памяти, находится в ведении специалистов, а непосредственный процесс его трансляции остальным членам группы оформляется специальной процедурой и социально контролируется. Задача экспертов – довести это знание до сознания большинства и обеспечить адекватное его восприятие всеми членами общества (социальной группы, коллектива, общности).

Таким образом, категория «коллективная память» включает репрезентируемые в настоящем, объективированные в символической форме смыслы, отражающие прошлые состояния общества, осознаваемые как ценности, актуализированные в поведении индивидов. Функционирование социальной памяти предполагает специализированную деятельность по аккумуляции, хранению и трансляции этого знания. Как элемент социальной реальности коллективная память является результатом процесса институционализации, включающего стадии типизации* моделей прошлой реальности,

* Типизация (вслед за Т. Лукманом и П. Бергером) Е.А. Островской понимается как интерпретативная схема объекта или действия, задающая определенное понимание воспринимающим субъектом данных объектов или действий и отношение к ним, и процесс ее создания.

объективации**, легитимации/интеграции и реализуемого в многообразных культурных практиках, одной из которых является музей.

Особенности генезиса и развития музея обусловили специфику музейных способов институционализации социальной памяти. Она состоит в том, что, во-первых, смысловые основания и принципы организации музейной деятельности формируются в рамках науки – сферы человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности, во-вторых, одной из главных форм объективации смыслов и значений является предметно-вещная.

Характерными формами музейных типизаций прошлого являются научные концепции деятельности музея, в том числе определяющие профиль музея и тематику комплектования; тематико-экспозиционные планы, концепции альбомов, путеводителей, классификационные схемы, используемые при организации учета и хранения, каталогизации и систематизации коллекций, структуры научного описания предмета, а также каталоги. Процесс типизации прошлого, осуществляемый музеем, представляет собой специфическую форму научного познания, предполагающую разработку критериев отбора интерпретируемых объектов прошлого (тем); концептуальные схемы детерминируются научным мировоззрением. Именно научный характер интерпретаций ушедшей действительности является основанием для их восприятия людьми как реальных фактов, истинного знания о прошлом. Кроме того, благодаря научному подходу расширяются тематические границы, историческая глубина социальной памяти. Научные интерпретации прошлого способствуют ослаблению влияния определенных социальных интересов на коллективные представления о прошлом и препятствуют их использованию в целях манипулирования сознанием людей, противостоят социально мотивированным ложным истолкованиям прошлого, формируя консенсусное представление о коллективном прошлом. Благодаря научности содержания, музейные определения прошлой реальности выполняют более широкие функции, чем социальная память, способствуют удовлетворению человеческой любознательности, жажды познания. Поэтому соответствие требованиям научного сообщества о легитимности исторических дискурсов при разработке концептуальных схем прошлой реальности является одним из главных факторов и критериев функциональности самого музея как института социальной памяти.

Основными формами объективации интерпретативных схем прошлой реальности в музее являются единичные музейные предметы, выступающие в роли символов, а также их совокупности – коллекции, фонды, музейные собрания, экспозиции, каждая из которых представляет слабо формализованную семиотическую систему [27]. Музейный предмет, коллекция, музейное собрание, экспозиция, выставка, как и всякие опредмеченные результаты человеческой деятельности, объективируют присущие ее создателям субъективные процессы, служат их показателем. Реальным субъектом музейных объективаций выступает тот, кто определяет их мировоззренческую, идеологическую и научную позицию, иными словами тематику и характер интерпретации материала. Таким образом, музейные объективации служат средством выражения субъективных значений (концептов, идей, понятий, суждений, оценок и т.д.) относительно прошлого. Независимо от того, отражают ли они существовавшие в реальной действительности феномены прошлой реальности или являются умозрительной конструкцией, посредством музейных предметов, коллекций, музейных собраний, экспозиций, выставок данные значения принимают материальную, визуально воспринимаемую форму.

Статус, авторитет, значимость транслируемых музеем культурных и исторических оценок, установок и мнений в качестве истины очень высоки. Происходит это главным образом потому, что музейные способы передачи знаний основаны на непосредственном контакте с подлинными предметами, представляющими собой подлинные фрагменты ушедшей действительности, свидетельства конкретных явлений, событий, фактов. Являясь, по сути, системой оценок, они воспринимаются как взаимосвязанные факты и представляются «естественными», «самоочевидными» и «здоровомыслящими», то есть натурализуются. Таким образом, подлинность артефактов является другим важным условием функциональности музея как института социальной памяти.

** Процесс, посредством которого экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности, называется объективацией.

Главная особенность музейных объективаций как символических систем заключается в том, что их основу составляют артефакты – экстернализированные продукты человеческой деятельности, опредмеченные явления, процессы, имеющие признаки целенаправленного воздействия на них людей или возникшие в результате человеческой деятельности.

Как экстернализированный продукт человеческой деятельности артефакт объективирует намерения создавших его людей и несет в себе информацию о создателях, пользователях, типах социальных и культурных организаций, детерминирующих постановку целей и их реализацию, т.е. является текстом. Любая вещь многозначна и обладает способностью выражать смысл через внешние признаки. С этим свойством связана определенная самостоятельность вещи в отношении содержательного контекста объективируемых посредством них концептуальных схем. У воспринимающего субъекта может возникать понимание вещи, не связанное с темой объективаций. Это несоответствие становится тем очевиднее, чем большей аттрактивностью обладает вещь. Музейная объективация предполагает устранение этой многозначности, т.е. выявление и фиксацию тех значений вещей, которые соответствуют смысловому содержанию интерпретативной схемы фрагмента прошлой действительности, знаково-символическим воплощением которых становятся вещи. В музейной практике накоплен большой арсенал средств для решения этой задачи. Однако, несмотря на усилия субъектов музейных объективаций по устранению многозначности вещей, т.е. выявлению и фиксации смыслов, соответствующих смысловому содержанию концептуальной схемы, воплощением которых становятся вещи, семантика любой музейной объективации остается многозначной. Семантика экспозиции, например, как структура значений включает несколько уровней. На первом, денотативном, значение экспозиции составляет «буквальный», «очевидный» или «здоровый смысл», являющийся итогом ассоциации концепта и его визуально воспринимаемого материального воплощения. Часто на этом уровне, благодаря подлинности экспонатов, экспозиция воспринимается как буквальная транскрипция реальности, естественный знак, без упоминания о каком-либо коде. Она постулирует некие знания, прошлое, память – целый ряд сопоставимых фактов, идей, решений. На следующем уровне, именуемом коннотацией, экспозиция обретает дополнительный смысл. Он обусловлен ассоциациями, возникающими при ее восприятии у посетителей под воздействием различных факторов. Коннотации, вызываемые экспозицией, историчны, не обладают устойчивостью: могут возникать, искажаться, распадаться, полностью исчезать, тем не менее они составляют неотъемлемый, очень значимый элемент семантической структуры экспозиции.

Важная роль в обеспечении адекватного восприятия музейных презентаций прошлого, адресованных широкой публике, усвоения транслируемых ими установок принадлежит конкретным формам музейно-педагогической деятельности (экскурсиям, консультациям, лекциям, игровым занятиям, праздникам и т.д.), комментирующим и раскрывающим их содержание. Факторами развития форм и методов работы музея с аудиторией выступают принятая в обществе образовательная парадигма, действующие нормативные модели личности, тесно связанные с философско-антропологическими концепциями, определяющими сущность человека, содержание понятия «личность», её взаимоотношения с обществом. Важным также является то обстоятельство, что «потребление» музейной информации связано с использованием свободного времени и отвечает потребностям населения в культурных формах досуга, эмоциональной разрядке, развлечении и пр. Поэтому развитие форм предъявления информации происходит в русле изменения основных тенденций, характеризующих социальные мотивации и потребительское поведение в сфере культуры, а также понимание роли сферы досуга как социальной подсистемы. Более широким контекстом развития концепций взаимодействия с аудиторией становится изменение взглядов на роль культуры и культурного наследия в общественном развитии.

Потребность в формировании общей картины прошлого возникает в силу того, что в обществе одновременно существует множество обусловленных социальной дифференциацией, не обязательно совпадающих вариантов прошлого. Ее содержание складывается из уже зафиксированных в социальном запасе знания значений и смыслов, определяется функциональной спецификой – интеграцией смыслового взаимодействия всех членов данного общества (группы, коллектива). В качестве основных концептуальных механизмов теоретической систематизации уже существующих в обществе представлений о

прошлом являются мифология, теология, философия, наука, с определенной долей условности отражающие этапы эволюционного развития теоретического знания и вместе с тем спектр форм существования теоретической традиции в пределах единого символического универсума конкретно взятой социокультурной модели общества [28]. Данные смысловые универсумы формируют единую картину мира, обеспечивая на уровне индивидуального сознания восприятие социального мира как единого смыслового универсума. Музеи выступают субъектом формирования научной картины прошлого. Социальный статус, функции истории (комплекса общественно-научных дисциплин) детерминируют развитие музеев, содержание их деятельности, общественную роль, поскольку именно социальные функции истории определяют объем и в определенной степени содержание циркулирующего в обществе исторического знания [29].

И.М. Савельева и А.В. Полетаев выделяют четыре ключевые функции истории: поддержание образцов (накопление и трансляция социального опыта, включая когнитивный и нормативный аспекты), легитимация настоящего, идентификация, тематизация Другого [30]. Все эти функции не только сохраняют актуальность в современном обществе, но и активизируются, отвечая на его запросы. Остается востребованной практика исторического объяснения существующего социального и культурного порядков и традиционно признаваемое за историком право выступать судьей прошлого. Устойчивая вера людей в возможность преодолеть в настоящем или будущем негативный опыт прошлого, использовать его уроки – источник соответствующих запросов к историческому знанию и основа для выполнения функции передачи и накопления социального опыта. Исторические знания служат своего рода рамками для «размещения» индивидуальной биографии, наделяя ее социально значимым смыслом, позволяя человеку почувствовать себя звеном в цепи поколений. Ориентирующаяся на общее прошлое, история остается важным элементом идентификации не только с национальным государством, но и с определенными группами или стратами общества, и процветает везде, где есть соответствующие потребности и политический заказ. А исторические труды и музейные экспозиции, рассказывающие с научной точностью о прошлом, остаются актуальными и потому, что, удовлетворяя естественную человеческую любознательность, позволяют узнать о прошлом как о реальном Другом. Анализ роли истории в решении проблемы преодоления разрушительных последствий травмирующего опыта дает исследователям основание рассматривать историю в аспекте функции разработки культурных стратегий в решении данных социальных проблем [31]. Травма – это отрицательный прошлый опыт, не укладывающийся в рамки привычных исторических представлений, индивидуальных и социальных субъектов разного уровня (социальные группы, общество в целом и др.), представляющий угрозу сложившимся основаниям и принципам идентичности или разрушающий эти принципы, препятствующий ее восстановлению и ставящий под сомнение саму возможность исторического смыслообразования в целом [32]. Иными словами, травма – это опыт, который разрушает возможности его интерпретации, используемой для ориентации человеческой деятельности. Путем придания событию исторического смысла и значения устраняется его травмирующий характер. В рамках историзации это достигается путем помещения исторических событий в исторический контекст. В этом отношении историческое исследование, по своей сути, является культурной практикой детравматизации. Оно преобразует травму в историю [33].

Исторической науке принадлежит основная роль в формировании картины прошлого общества, однако это не исключает различных частных универсумов, сосуществующих друг с другом и находящихся в состоянии взаимного приспособления, таким образом, анализ отношения научные представления о прошлом – социальная память является весьма актуальным в свете научной интерпретации отношения социальная память – музей.

Проблема взаимодействия социальной памяти и науки не получила окончательного решения и продолжает оставаться дискуссионной. В отличие от И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, Л. П. Репиной, Й. Рюзена, Дж. Коллингвуда [34] и других исследователей, рассматривающих взаимодействие истории и памяти в позитивном ключе, многие авторы, изучающие феномен коллективной памяти, характеризуют суть этого отношения как антитезу, дихотомию, конфликт, используя в качестве теоретической аргументации концепцию М. Хальбвакса [35], П. Нора [36]. Изучение трудов последних свидетельствует о том, что конфликтность отношения истории и коллективной памяти, постулируемая этими

авторами как объективная дихотомия, сводится к вопросу о роли исторической науки в формировании коллективной идентичности, обоснование которой, по мысли М. Хальбвакса и П. Нора, составляет главную функцию социальной памяти. Результаты теоретического осмысления этой проблемы очень важны для музея. Сообщая те или иные сведения о событиях, фактах, явлениях, он стремится быть понятым своей аудиторией. Глубина восприятия, как утверждает теория коммуникации, во многом определяется совмещением кодов отправителей сообщения (в данном случае экспозиционеров) и адресатов (посетителей музея). Точка зрения, сообщаемая музеем, скорее встретит понимание и будет воспринята соответствующим образом, если она опирается на интересы, ценности и идеалы аудитории. Однако социальная память не является нейтральным воспоминанием о прошлом, она формируется в контексте. Люди постоянно переделывают, создают заново сами категории, в рамках которых они его вспоминают. Раса, класс, гендер, этничность, происхождение, государственная принадлежность – все это конструирует свой исторически обусловленный образ прошлого. В этом смысле посетители музея представляют собой калейдоскоп идентичностей. Определение тематики, создание концептуальных схем экспозиций и выставок предполагает, даже если это и не всегда осознается их авторами, решение следующих вопросов: позицию каких социальных субъектов музей представляет, чьим воспоминаниям отдает предпочтение, является ли его право как научного учреждения достаточным основанием для этого выбора, а также поиск баланса между индивидуальной, групповой памятью и общей историей.

Наиболее актуальными с точки зрения изучения музейной деятельности являются идеи, касающиеся роли исторической науки в формировании коллективной идентичности, развиваемые П. Нора [37]. Особая ценность его концепции социальной памяти для музееведения обусловлена тем, что в ней теоретически увязываются не только понятия коллективной памяти, идентичности, исторической науки, но и культурного наследия, музея. Через актуализацию своей истории социальные группы самоопределяются, а наследие и музеи выступают способом репрезентации идентичностей. Таким образом, изменения, происходящие в коллективном самосознании, способствуют изменению состава и критериев отбора объектов наследия, и учреждению новых с точки зрения содержания деятельности или трансформации тематики уже существующих музеев.

Итак, применение интерпретационных схем теорий институционализации для анализа отношения музея и социальной памяти позволяет более полно, чем это представлено в современном музеологическом знании, охарактеризовать содержание данных категорий, сделать важный вывод о наличии функциональной взаимозависимости обозначаемых ими феноменов, а также осуществить теоретическое моделирование институционализации социальной памяти в условиях музея, выявить специфику данного процесса и определяющие его эффективность факторы. Кроме того, рассматриваемые аналитические схемы полезны для выявления закономерностей, отражающих взаимосвязь между развитием коллективной памяти и типологией музеев как в исторической перспективе, так и в социальном пространстве. Эта проблема является также весьма актуальной для самоопределения музеев как субъектов культурной политики, однако это уже предмет отдельного рассмотрения.

Примечания:

1. Berliner D.C. The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // *Anthropological Quarterly*. V. 78. N 1. Winter 2005. P. 197- 211.
2. Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // *Социс*. 2011. № 6. С. 21.
3. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // *Феномен прошлого* / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 132.
4. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Там же. С. 170.
5. Цит. по: Основы музееведения / Отв. ред. Э.А. Шулепова Э.А. М: Едиториал УРСС, 2005. С. 25.
6. Мастеница Е.Н. Феномен музея: опыт музеологической рефлексии // *Вопросы музеологии*. 2011. № 1 (3). С. 21. (дата обращения: 20.01.2012) http://history.spbu.ru/userfiles/VM2011_Mastenica.pdf.

7. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть: Государственная политика в области музейного дела (XVII–XX вв.). М., 1991. С. 117.
8. См.: Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: Сборник документов и материалов / Кол. авт.; Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.: ил.; Илизаров Б.С. Роль ретроспективной информации в формировании общественного сознания // Вопросы философии. 1985. № 8; Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002 г. 461 с.; Е.К. Дмитриева. Мемориальные музеи // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс, 2001. 416 с.: ил.; Ребане Я.К. Принцип социальной памяти // Философские науки. 1977. № 5; Селезнева Е.Н. Культурное наследие и культурная политика России 1990-х гг. (теоретико-методологические проблемы) / Рос. ин-т культурологии. М., 2003. 164 с.; Шулепова Э.А. Наследие в проблемном поле исторической культурологии // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии. М., 2002. 368 с.; Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 349 с.
9. Пьер Б. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред., сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной экономической социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 136.
10. Там же.
11. Островская-мл. Е.А. Религиозная модель общества: Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 59.
12. Там же. С. 67.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Велановского. М.: Академический Проект, 2000. С. 406.
14. Там же. С. 334.
15. См.: Островская-мл. Е.А. 1) Религиозная модель общества: Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 377с.;
- 2) Островская-мл. Е. А. Институционализация религиозной модели общества: Автореф. дис... д-ра социолог. наук. СПб., 2005. 42 с.
16. Там же.
17. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Публикуемый материал представляет собой первую главу кн.: Parsons T. The Social System. N. Y., 1951. Перевод Г. Беляевой // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 468.
18. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995 [1966]. С. 49-51, 60.
19. Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. С.195-198.
20. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 168, 314.
21. Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 280.
22. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 31, 109-111.
23. Там же. С. 154.
24. Там же. С. 140.
25. Островская-мл. Е.А. Религиозная модель общества: Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 91.
26. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 125.
27. См.: Волькович А.Ю. Музейная экспозиция как семиотическая система: Автореф. дис... канд. культурол. наук. СПб., 1999. 192 с.
28. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 179-180.
29. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знания о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. 2003. С. 375.
30. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 22.

31. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 8-26; Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 159.
32. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии. С. 159.
33. Там же. С. 161.
34. См.: Коллингвуд Р.Дж. Идея истории // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. 486 с.
35. См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
36. См.: Нора П., Озуф М., Ж. де Пюимеж, Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.
37. См.: Там же.

Museum and Memory in the Light of Institutionalization Concepts

Elena E. Gerasimenko

Russian Ethnographic Museum, Russia
Deputy Director for Science
4/1 Inzhenernaya Str., St.Petersburg 191186
E-mail: ger@ethnomuseum.ru

Abstract. The article analyses the significance of institutionalization theories in museum and social memory study.

Keywords: museum, social memory, institutionalization.

UDC 0.08